

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

З. П. Соколова

ЗАГАДКА ЮИЛЬСКОГО ГОРОДКА

В 1973 г. в газете «Известия» появилась небольшая заметка об экспедиции Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР к месту расположения старинной русской крепости-островка на Кызыме, притоке р. Обь (Березовский район Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области), называвшейся в прошлом Юильский городок. В заметке отмечалось, что «ни летописных, ни других материалов о времени и целях возведения» крепости нет. Ученые — историки и архитекторы, обследовавшие остатки разрушившегося со временем городка, предположили, что он был построен в конце XVII — начале XVIII веков¹.

Заметка заинтересовала меня. Дело в том, что более двадцати лет назад я тоже была в Юильском городке и меня давно мучили его загадки.

1956 год. В составе экспедиции Ханты-Мансийского краеведческого музея я еду на Кызым. Руководит экспедицией сотрудница музея Т. П. Воробьева, нам помогают проводники и переводчики, студенты Ханты-Мансийского педучилища, Степан и Владимир, по происхождению — казымские ханты. Наша задача — археологическая разведка, сбор коллекций для музея.

Вверх по Кызыму мы поднимаемся с попутным транспортом, а вниз поплывем на весельной лодке, полученной на Кызымской культбазе. Наш конечный пункт по реке — поселок Юильск. Это новое селение, построенное на берегу Кызыма после войны.

— Зайдите по пути вниз в Юильский городок, — говорит нам на прощанье местный охотник А. И. Молданов. Он долго объясняет Степану и Володе, как ближе пройти к городку с берега, где для этого высадиться с лодки.

На следующий день после отплытия из Юильска мы прибываем к устью впадающей в Кызым речки Вош-еган. «Вош» по-хантыйски — укрепленное поселение, «еган» — река. Отсюда по тропе, ведущей через болота и сосновые леса, до Юильского городка около 5 км.

Только в лесу и на болоте начинаешь по-настоящему оценивать силу комариных атак. Комары здесь особенные — крупные, рыжие. Они сходу пикируют на открытые участки тела и тут же впиваются в него. Противокomarинные сетки, предусмотренные нашей экипировкой, и плотные куртки спасают нас. Но в жаркий день идти в таком обмундировании нелегко. Струящийся по лицу и телу пот еще больше привлекает кровососов. Они ухитряются прокусывать даже прорезиненную ткань плаща. Вокруг каждого из нас — тучи кровожадных злодеев. Идет в ход противокomаринная жидкость — диметилфталат. Но на жаре она смешивается

¹ «Известия» 27 июля 1973 г., № 175 (17408) («Загадки исчезнувшего городка»).

с потом и разъедает кожу. Степан и Володя, чертыхаясь и размазывая грязь по лицу, клянутся больше никогда ею не пользоваться.

Несмотря на это, идти интересно. Тропинка — особенно на сухих боровых возвышенностях, поросших ягелем, — почти не видна, но наши проводники каким-то шестым чувством угадывают ее направление. Правда, один раз после долгих гаданий мы сворачиваем не туда. Вскоре обнаруживаем, что к описанию дороги, которое мы получили в Юильске,

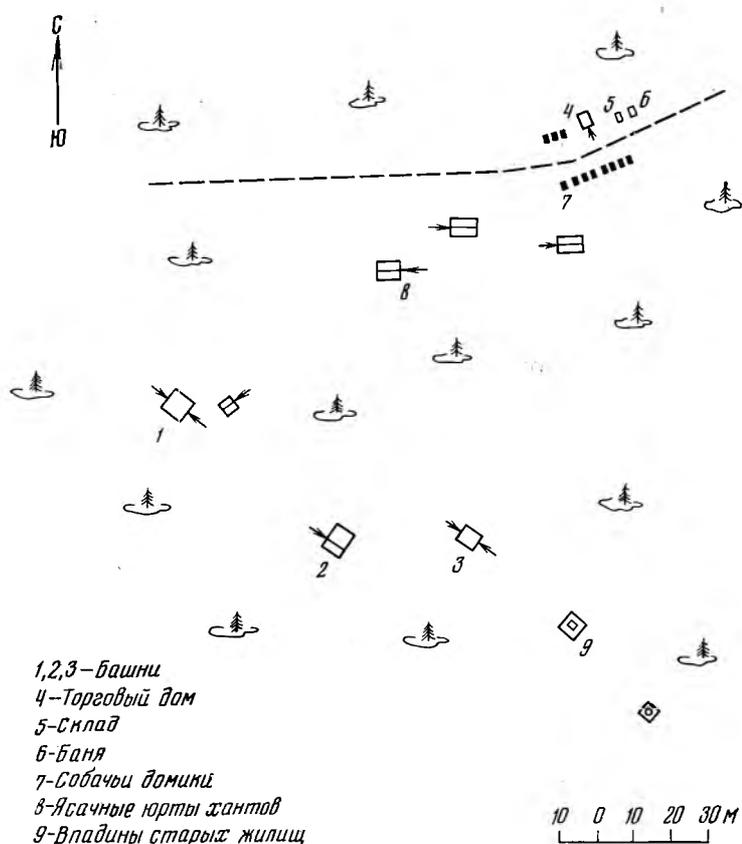

Рис. 1. План Юильского городка

местность явно не подходит. Приходится одному из ребят залезть на самую высокую сосну и ориентироваться по реке. Умение ориентироваться на местности, знание края, чтение лесной грамоты — направления ветра, положения солнца в пасмурный день, следов и пр. — характерно для наших спутников, хотя они уже несколько лет учатся и живут в городе. Эти народные знания и привычки закладываются еще в детстве, и кажется, что это сидит у них в крови.

Довольно часто дорога идет по болотам. Тропинка переходит в специально уложенную тонкими бревнами и жердями дорогу-лежневку. Когда идешь, жерди нередко уходят под воду. Чтобы не провалиться в болото, надо идти по ним с палкой, очень осторожно...

Но вот показалось и первое деревянное строение Юильского городка — одна из башен старой крепости. Можно передохнуть и приступить к осмотру. Однако сидеть долго не приходится — не дают покоя комары. Тихо, ни малейшего ветерка...

— Давайте перенесемся лет на двести назад и представим себе, что мы въезжаем в городок по дороге, — предлагаю я.

Мы находим дорогу и идем по ней. По обе стороны дороги выстроились два ряда низких домиков для собак. Это маленькие, дощатые конурки с двускатными крышами. В них помещались ездовые собаки, кажется, вот-вот из них выскочат с лаем сердитые сибирские лайки... Степан и Владимир удивленно переглядываются, они уже привыкли к мысли, что их предки ездили на оленях, а про собачий транспорт забыли.

Справа от дороги обращенный входом к ней стоит торговый дом, в котором купец развешивал свои товары на жердях и бревнах, укрепленных вдоль стен. Здесь же он вешал и шкурки пушных зверей, которые ханты несли ему в обмен на продукты и товары — ружья, боеприпасы, ткани, бисер... Рядом с домом находились, очевидно, склады. Купец жил, вероятно, в том же доме, где торговал, — неподалеку от него стоит небольшой сруб-баня с печкой-каменкой.

А слева начинаются хантыйские юрты — так раньше называли дома хантов. Сейчас они разрушены, от них остались лишь углубления в земле со следами срубов, нар. Домов было четыре. По сохранившейся нижней части дома можно восстановить план его. Вдоль трех стен шли нары — земляные возвышения до 40 см высотой, огражденные с боков досками, — для сна и дневного отдыха. В левом от входа углу — остатки глинобитного очага-чувала, сибирского камина. Пол застелен досками. Дома довольно вместительны, их площадь от 50 до 60 кв. м. Срубы капитальной застройки, чувствуется, что в них долго жили. По всей видимости, это юрты постоянного населения Юильского городка, в них, а также в чумах, поставленных около городка, могли останавливаться ханты и ненцы с Оби, Қазыма, из тундр, приезжавшие уплатить ясак и купить продукты, товары. Около башен — две уже заплывшие ямы от старых, давно брошенных и разрушившихся домов, тоже со следами возвышений-нар.

Башни виднеются сразу же за юртами, они срублены из толстых вековых деревьев. Это сторожевые башни своеобразной конструкции. Две башни частично разрушились, внутри них растут молодые березки. В стенах — многочисленные бойницы. На дощатых воротах одной из башен читаем надпись: «От города Березова до Юильского городка 236» (верст). Тут же нарисованы лук и поясное изображение человека с подписью «хант».

Я размышляю вслух: «Когда-то башни венчала коническая или двускатная крыша. А от башни к башне шел высокий тын из заостренных бревен. Вот эта башня — с арочным входом, — наверно, была надворотной. А то сооружение, отличающееся от башен конструкцией, явно — казарма для казаков. К башне, которую мы на плане отметим номером 2, примыкает срубная пристройка, состоящая из двух помещений. К сожалению, об их назначении сейчас приходится только гадать. Караульное помещение? Возможно. По площади башни невелики: 16—18 кв. м, пристройки — 9 и 11 кв. м». Мы выходим к центру городка. Сейчас вся его территория заросла лесом, а когда-то здесь была открытая, очищенная от леса площадка и, между прочим, где-то здесь возвышалось мрачное сооружение — виселица для непокорных остяков и самоедов...

Пока я объясняю назначение построек, мои спутники удивленно поглядывают на меня. Наконец, Степан не выдерживает: «Откуда Вы все это знаете? Разве Вы здесь были раньше?»

— Ну, для этого совсем не обязательно было быть тут раньше. Существует литература, архив — из них можно кое-что почерпнуть.

Юильский городок — интересный памятник истории и архитектуры. Он — единственный из сохранившихся до недавнего времени² на Тоболь-

² Сейчас башни перевезены в Новосибирск (Академгородок), где будет создан Историко-Архитектурный музей под открытым небом Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

ском севере деревянных острожков, построенных русскими во время освоения сибирских земель. Похожие башни, кажется, стоят сейчас лишь где-то в Восточной Сибири...

А когда-то в этих краях было много таких острожков — Ляпинский, Березовский, Обдорский, Сургутский, Пелымский. Их строили казаки, это были форпосты Русского государства в Сибири. Здесь собирали ясак, чиновники творили суд и расправу, торговали купцы. Большинство таких городков-крепостей возникло в конце XVI — начале XVII вв., на месте многих из них позднее выросли города — Березов, Обдорск (Салехард), Сургут, Пелым и др. О сооружении этих городков имеются официальные данные, хранящиеся в архивах Тобольска, Красноярска...

Но тогда же было воздвигнуто немало и таких острожков, которые в силу различных причин, отчасти из-за своего положения — в глуши, далеко от магистральных речных путей, — со временем захирели и перестали существовать. К числу их принадлежал и Юильский городок на Казыме. Его основание нигде не зафиксировано и его история неясна. Когда и кем он был построен? Для чего понадобилось его сооружать?

Только некоторые данные можно найти в архивах и в литературе. Селение хантов Юильский городок на Казыме известно нам с конца XVIII в.³ В XIX в. его называли также «Чуильский городок» и «Казымский городок»⁴. Г. Ф. Миллер, видимо, считал, что это были два разных городка: Юильский остяцкий городок на Казыме и Казымское городище — «значительный остяцкий городок» в 150 верстах от устья Казыма, существовавший там с древнейших времен⁵. Н. А. Абрамов упоминает Юильский городок как «древний остяцкий городок» по данным 1828 г. наряду с Ванзеватским, Амьинским, Кукларским и Камытским, и называет расстояние от Березова до него — 236 верст⁶. Как видим, расстояние, указанное Н. А. Абрамовым, и на воротах башни Юильского городка, совпадает, Ванзеватские, Амьинские, Кунларские и Памытские юрты — селения хантов — известны нам из тех же архивных данных XVIII в. Но среди русских городков и укреплений Березовского уезда Н. А. Абрамов перечисляет и Казымский⁷. Все эти материалы убеждают нас в том, что на Казыме был один городок — Казымский, возникший на месте старинного хантыйского селения — Юильского городка или юрт.

Русские острожки чаще всего возникали на месте древних селений и городищ (укрепленных поселений) аборигенов. Главная причина этого — удачный выбор места и привычное тяготение населения к уже сложившимся местам жительства. Такова история Самарова, Тобольска, Березова, Салехарда и других современных городов и населенных пунктов.

А вот в Ленинграде в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, который создан на базе Кунсткамеры Петра I, хранятся интереснейшие рисунки-панно, под названием «шторки», созданные художником Н. Шаховым. На них обратил внимание известный этнограф, мой научный руководитель Валерий Николаевич Чернецов⁸. Что же это за «шторки»? На ткани изображены сцены из жизни хантов и манси. На одной из таких шторок нарисован и Казымский городок. Он расположен на речке, впадающей в Казым. На рисунке видны надворотная башня, изгородь вокруг городка, виселица, собачьи домики, крыши хантыйских домов-юрт. А на другой шторке изображен Ляпинский городок с точно такой же надворотной башней. На р. Ляпин (Сыгва по-

³ Церковные метрические книги за 1794 г. Государственный архив Тюменской обл. (филиал в Тобольске) — ГАТОТ, ф. 156, оп. 20, № 702.

⁴ Там же, № 731 (Чемашевская церковь, л. 2 об., Сосьвинская церковь, л. 4).

⁵ Г. Ф. Миллер. История Сибири, М.—Л., 1937, с. 250, 269.

⁶ Н. А. Абрамов. Описание Березовского края.— «Записки РГО», XII, СПб., 1857, с. 396.

⁷ Там же, с. 362.

⁸ В. Н. Чернецов. Быт хантов и манси по рисункам XIX в.— «Сборник МАЭ», X, М.—Л., 1949.

мансийски), притоке Северной Сосьвы, впадающей в Обь слева, почти против устья Казыма, было несколько городков. Два из них носили чуть ли не одинаковые названия: городок Ляпин и Ляпинский городок. Первый находился в 30 верстах от впадения Сыгвы в Северную Сосьву, на речке Лопинг-соим. Это древнее селение аборигенов Лопинг-уш⁹, на месте которого сейчас стоит Ломбовож. Русский городок Ляпинский упомянут в списке Н. А. Абрамова, на который мы уже ссылались. Он тоже находился на р. Ляпин, но в другом месте — против села Саранпауль и просуществовал до 1927 г., когда его нечаянно сжег один из косарей. К счастью осталось описание этого городка, сделанное в 1884 г. писателем К. Д. Носиловым, много писавшим в свое время о жизни манси.

«Против с. Саран-пауль, на противоположном берегу р. Сыгвы (р. Ляпин), находится полуразрушенная, деревянная с бойницами крепость... На невысоком, но прежде обрывистом берегу, в бору стоит четырехугольный, в 250 фут квадратной площади при высоте стен в 24 фута, сруб, сложенный из бревен в виде правильного четырехугольника. На высоте 18 фут стена расширяется на 2 фута с уступом для прохода, на который настлан деревянный из круглых бревен пол. Крыши нет, остались одни лишь боковые отверстия для стрельбы, как в нижних, так и в верхних стенах. С западной и восточной стороны, по направлению берега, устроены полукруглые, аркой, двери. Для подъема в верхний этаж или площадку для боя установлены в углу два со ступенями бревна. К востоку от главного боевого здания находятся в нескольких шагах два низменные помещения, тоже с двойным потолком и отверстиями для стрельбы. От боков (южного и северного) главной бойницы идет высокая бревенчатая с острыми оконечностями стена; она шла вокруг и двух других зданий, но ныне она разрушена. На западной стороне бойницы сохранились следы строений, занимающих до 30 сажен в длину местности на берегу. Несколько лет тому назад над дверьми (западными) еще видна была надпись года постройки крепости, которая показывала, что здание было устроено более 300 лет тому назад»¹⁰. К. Д. Носилов записал предания о постройке и назначении Ляпинского городка. Часть манси считала, что крепость была построена ими, чтобы защититься от набегов ненцев. Другие утверждали, что ее соорудили русские для защиты манси от ненецких набегов и как пункт сбора ясака. Вероятно, правы и те, и другие, русская крепость возникла на месте старинного укрепленного селения. По преданию, манси и ненцы попадали из крепостной ограды в мансийское селение, расположенное к западу от крепости, проезжая на оленях сквозь ворота крепости с запада на восток и только уплатив ясак, иначе их били.

Когда снимаешь план Юильского городка на Казыме, описываешь его строения, видишь большое сходство его с Ляпинским городком. Скорее всего они построены одновременно. Когда это могло быть?

Откроем «Историю Сибири» и проследим за этапами освоения Западной Сибири и строительством первых острожков. Обский городок в устье Иртыша существовал с 1585 по 1594 г. В 1590 г. был построен Лозьвинский городок. Через Лозьву русские люди шли на судах по рекам Тавда, Тобол, Иртыш, Обь до Березова и Сургута. В 1593 г. новый отряд русских людей отправился в низовья Оби для создания острожка Березова, ставшего затем форпостом Русского государства в данном регионе¹¹. В это время вряд ли могли быть основаны такие городки, как Ляпинский и Казымский (Юильский): о них ничего не сообщается в летописях. А летопись фиксирует в это время все шаги русских в Сибири—

⁹ Г. Ф. Миллер. Указ. раб., с. 269.

¹⁰ К. Д. Носилов. Исторические памятники племени маньсы.—Изв., Императорского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1890, т. 49, вып. 5, с. 565.

¹¹ «История Сибири», т. 2, Л., 1968, с. 30—34.

Рис. 2. Башня Юильского городка

даже создание Обского городка, просуществовавшего всего 9 лет. Таким образом, XVI—начало XVII вв. как время сооружения крепости отпадают. Отождествляя Казымский городок с Юильским, В. Н. Чернецов сравнил надворотную башню городка на шторке с фотографией одной из башен городка, сделанной И. Н. Шуховым в 1910 г. (рис. 2). Он сообщал: «После подавления военного сопротивления хантов Юильский городок продолжал существовать как опорный пункт русской колонизации. В нем производился сбор ясака, чинился суд и расправа»¹². По всей вероятности, у Чернецова были какие-то данные о постройке крепости. Возможно, сооружение ее связано с восстаниями хантов против царизма. Такие восстания были в начале, середине и конце XVII века. Например, в 1660-х годах ханты и ненцы пытались даже захватить Березов¹³. Таким образом, можно предполагать, что Юильский городок мог быть построен в конце XVII в. Большое архитектурное сходство его с Ляпинским городком служит аргументом в пользу более ранней даты сооружения и Юильского городка на Казыме, и Ляпинского на Сыгве.

Но дата постройки — только одна загадка Юильского городка. Существует и другая. Дело в том, что городок с таким же точно названием существовал в XVI в. в верховьях все того же Ляпина.

Ханты и манси, издавна жившие на территории Прикамья, Урала и Западной Сибири, к моменту присоединения Сибири к России группировались в территориальные объединения, которые в феодальной России получили название «княжеств». Одно такое «княжество» — Куноватское — занимало бассейн Нижней Оби с притоками Куноват, Северная Сосьва с Ляпиным и др. В 1586 г. его возглавлял «князец» Лугуй; в челобитной на имя царя он выступает от 6 городков: Куновата, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Юила и Березова¹⁴. Г. Ф. Миллер помещает Юил в

¹² В. Н. Чернецов. Указ. раб., с. 20.

¹³ Г. Тарасенков. На просторах Обь-Иртышья. Тюмень, 1964, с. 115.

¹⁴ Г. Ф. Миллер. Указ. раб., с. 344.

верховьях Сыгвы и приводит его мансийское название — Сек-теллек-уш¹⁵. Н. А. Абрамов, перечисляя русские городки Березовского края, упоминает Ляпинский, Юильский и Казымский¹⁶. О каком Юильском городке здесь идет речь — на Казыме или Ляпине — неясно.

Но почему два городка, расположенные довольно далеко друг от друга, носили одинаковое название? Случайно ли это? Существовала ли какая-либо связь между ними? На эти вопросы нам помогут ответить некоторые события этнической истории северных хантов и манси.

Сначала мы должны выяснить, каково происхождение населения р. Казым, каковы его связи с ляпинцами. Напомним, что современное казымское население — ханты, а ляпинское — манси. Хотя в современной материальной и духовной их культуре много общего, но по языку лингвисты четко разделяют эти два народа.

Рассмотрим фамильный состав населения Казымской волости в XVIII—XIX вв. При этом мы будем опираться на метрические книги по волости за данный период¹⁷. Во-первых, мы можем выделить особый, казымский фонд фамилий, не встречающихся в других районах, во-вторых, найдем некоторым из них аналогии в иных местах. По данным метрических книг в XVIII—XIX вв. в Казымской волости известно 98 фамилий. 56 из них входят в основной казымский фонд фамилий. Остальные 42 имеют аналогии среди хантыйских (чаще всего) и мансийских фамилий различных регионов: у северных хантов 32 фамилии повторяются 41 раз, у южных хантов 8 фамилий встречаются 10 раз, у восточных хантов 14 фамилий отмечены 21 раз, у восточных манси 4 фамилии зафиксированы 4 раза.

Какие выводы можно из этого сделать? Заметно сходство с фамилиями обских и иртышских хантов и связь казымского населения по фамильному составу с ляпинским населением. Выявляются таким образом две тенденции заселения бассейна Казыма: с Оби и Иртыша и с Ляпина и Северной Сосьвы. Именно здесь на Казыме известна фамилия Асхов (Ас-Обь, хо — человек). На Оби был известен «большой угорский князь» Молдан, очевидно, основатель казымской фамилии Молдановы. Любопытна и связь самого названия реки Казым (по хантыйски — Касум) с фамилией Касымовы, известной на р. Демьянке¹⁸. В то же время имя Касья бытовало в XVI в. в Селиярской и Салымской волостях в Среднем Приобье¹⁹. По всей видимости, первый поток переселенцев на Казым шел с юга, с Иртыша, по Оби. Это, очевидно, общая тенденция заселения таежной части Западной Сибири. Не случайно, еще М. А. Кастрен записал предания нижеобских хантов о приходе их с Иртыша²⁰. Такие же легенды отметил и А. Каннисто в Среднем Приобье²¹.

С другой стороны, большое число одинаково звучащих фамилий среди казымских хантов, ляпинских и сосвинских манси позволяет утверждать, что на Казым пришла часть ляпинско-сосвинского населения. Почему именно на Казым, а не наоборот — с Казыма на Ляпин и Северную Сосьву? Потому что в XVI—XVIII вв. население мигрировало в основном на север и восток. В этом нас убеждает этническая история северной группы манси — ляпинских и сосвинских, а также изменение

¹⁵ Там же, с. 269—270.

¹⁶ Н. А. Абрамов. Указ. раб., с. 362.

¹⁷ ГАТот, ф. 156, оп. 20, №№ 702, 709 (списки населения по исповедным росписям метрических книг Казымской Успенской церкви).

¹⁸ Фамилии Казымов — Казымкин — Касымкин, известные на Агане и Средней Оби, вероятно, образовались поздно (конец XVIII в.) и связаны с хантами-переселенцами с Казыма.

¹⁹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 214, ст. 936, ч. II, л. 23 (1661 г.).

²⁰ А. Kannisto. Über die frühere Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung. В. XVIII, Н. 1—3, Helsingfors, 1927, S. 58.

²¹ Там же, с. 59.

численного состава населения в Казымской волости в XVII в. Теперь уже совершенно ясно, что северные манси — недавнее этническое образование. Еще в XVIII в. на Ляпине и Северной Сосьве было смешанное — хантыйско-мансийское население. Манси — переселенцы с юга (Конда, Пелым) — смешивались здесь с аборигенами — хантами. Этот процесс закончился, вероятно, только в XIX в.²² Процесс «вогулизации» аборигенов был облегчен тем, что часть хантов ушла в это время с Ляпина и Северной Сосьвы в низовья Оби, укрываясь от массовой христианизации, начавшейся в начале XVIII в. По-видимому, часть этих ляпинцев и сосьвинцев ушла и на Казым. Такие переселения были и раньше, например, в XVII в. Так, с 1629 по 1695 г. население на Казыме заметно увеличилось: со 137 до 235 ясачных плательщиков²³. Если же мы сравним имена и фамилии жителей Казыма, Ляпина, Северной Сосьвы, Ляли, Лозьвы, то увидим среди них сходные: Кырысь (сравни Кырысхов), Мургиль (ср. Мыргилев), Песков, Ленгин и др.²⁴. Следовательно, миграции с запада на восток происходили и раньше, до XVII в.

Таким образом, на Казым попали представители той же этнической группы, которая была причастна к созданию Юильского городка на Ляпине. Так мы подошли к выяснению второй загадки Юильского городка. Он был основан на Казыме пришельцами с Ляпина и потому имел то же самое название, что и Юильский городок на Ляпине. Кто они были, эти пришельцы — ханты или манси? Скорее всего ханты, но может быть, это было уже смешанное хантыйско-мансийское население.

Когда это было? Точный ответ могут дать только раскопки самых старых жилищ на территории городка. Но можно предположить, что это было до XVII в. Позднее на месте хантыйского селения возник русский острог.

Между прочим, большое сходство между современными казымскими хантами и ляпинско-сосьвинскими манси прослеживается не только в их истории, но и в языке, культуре. Лингвисты отмечают большую близость северо-мансийского и северо-хантыйского диалектов. Много общего и в их материальной и духовной культуре — в форме и узорах меховых и берестяных изделий, в представлениях о мире, душе, ее судьбе после смерти человека. Например, обычаи, связанные с изготовлением и хранением изображения — вместилища души человека²⁵, обычно у хантов и манси сильно разнятся. А вот на Казыме и Северной Сосьве они очень похожи. И там, и здесь на спинке детской люльки рисуют «тетерку» — «птицу сна», в которой якобы пребывает так называемая «сонная душа» человека, и ребенок крепко спит. Тетерка связывает сосьвинских и казымских хантов и в другом отношении. В тамгах ляпинцев и казымцев встречается изображение «тетеря»²⁶. В. Н. Чернецов записал мансийскую сказку о женщине-богатырке из верхнесосьвинского селения Няксимволь²⁷. В косах у нее — медные птички. Первый ее муж — верхнеобский богатырь, второй — ненец. Легенда говорит, что она поселилась потом на Казыме — «Вершины Казыма реки Великая женщина, казымского народа предок она» — Касум най эква — Тетеря²⁸.

²² Н. А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в конце XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 1975, с. 144—146; З. П. Соколова. Проблема рода, фратрии и племени. — «Сов. этнография», 1976, № 6, с. 34.

²³ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. LV, М., 1960, с. 65.

²⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 10, л. 15; Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века, М., 1965, с. 82—86.

²⁵ В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров. — «Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований» (ТИЭ, т. LI), М., 1959.

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, ст. 103, л. 240 об.; ст. 105, л. 166 об. (1635—1640 гг.).

²⁷ В. Н. Чернецов. Вогульские сказки, Л., 1935, с. III.

²⁸ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 35, М., 1953, с. 62.

На Казыме недалеко от Юильска стоял когда-то священный амбар. Приезжали сюда ханты со всей реки, чтобы поклониться Вут-ими — Великой казымской женщине. К туловищу ее изображения, сделанному из связок шкурок зверей, была прикреплена металлическая птичка. Лицо Вут-ими — серебряные пластины с подвесками, которые издавали мелодичный звон, когда открывали дверь в ее жилище. В песне о Вут-ими поется, что она — дочь Уен-Торма, пришла с низовьев Оби, а в Казым-мысе (селение на Оби) оставила свою дочь. Быть может, в матримониальных связях этого предка казымских хантов и сосьвинских манси отразились сложные процессы этнической истории обских угров?

Так я закончила историю Юильского городка...

Прошло немного времени. Однажды, просматривая свою картотеку библиографии, я наткнулась на карточку: «Шершеневич, Сделанное на месте описание городков Казымского и Ляпинского...»²⁹.

Еду в библиотеку им. В. И. Ленина, заказываю журнал, с нетерпением жду его. Что в нем? Пролет ли свет эта заметка на неясное в истории Казымского городка?

Наконец, получаю журнал. Автор двух заметок — заседатель Тарского земского суда, посланный генерал-губернатором Западной Сибири на Обский север в 1843—44 гг. для сбора сведений к составлению проекта законов для «кочевых и бродячих инородцев». Согласно распоряжению Министерства внутренних дел ему вменено в обязанность разыскание и описание «местных древностей». Им же сделаны на месте замеры и рисунки обоих городков, которые хранятся в архиве Министерства внутренних дел³⁰.

Из заметок делаю главные выводы. Во-первых, Юильский городок и Казымский городок, или городище, действительно, один и тот же исторический памятник³¹. В этом я права. Во-вторых, в одной из заметок есть косвенные данные о времени создания Ляпинского городка: в 1501 г. русские войска взяли его во время похода на Северную Сосьву и Ляпин. До конца XVI в. на месте городка было торговое место; с основанием г. Березова торговля была перенесена туда³².

О времени создания Казымского или Юильского городка, по данным Шершеневича, не сохранилось ни исторических сведений, ни преданий³³. Шершеневич совершенно правильно выделяет два типа укрепленных поселений в Западной Сибири — городки хантов и манси и острожки, сооруженные русскими. Нередко некоторые из них носят одни и те же названия, так как русские крепости возникали на месте хантских и мансийских³⁴. Он отмечает, что русские острожки «недавнего построения», воздвигнуты «для защиты от некрещеных самоедов» (ненцев). Действительно, в преданиях хантов часто встречаются упоминания о набегах ненцев, уводивших с собой женщин. Уместно при этом вспомнить и предания манси о назначении Ляпинского городка, записанные К. Д. Носиловым. Шершеневич сообщает также, что в Юильском городке на Казыме было «сборное место ясака с казымских хантов»³⁵.

Шершеневич разыскал в делах Березовской воеводской канцелярии два документа — Высочайшие Указы от 18 августа 1730 г. и 11 января 1731 г., гласившие: «Березовского Воеводства в ясачных волостях, и для охранения ясачных остяков от воровской самоеды, построить острожки в Обдорской, Сосьвинской, Ляпинской и Казымской волостях»³⁶. По его

²⁹ «Журнал Министерства внутренних дел», СПб., 1844, ч. 6, № 4—6.

³⁰ «Остатки старины в Березовском крае». — «Журнал Министерства внутренних дел», СПб., 1844, ч. 5, № 1—3 (заметка составлена по рапорту Шершеневича).

³¹ Шершеневич, Указ. раб., с. 506; «Остатки старины»..., с. 347.

³² «Остатки старины»..., с. 347.

³³ Там же; Шершеневич, Указ. раб., с. 496.

³⁴ Шершеневич, Указ. раб., с. 504.

³⁵ Там же, с. 506.

³⁶ Там же, с. 505.

мнению, время сооружения Казымского городка не может быть ранее указов 1730—31 гг.

В 1844 г. Юильский городок еще не зарос лесом, но уже был в развалинах, сохранились лишь его башни. Ляпинский городок тоже был брошен, но в нем еще сохранились не только башня, казарма и амбар, но и палисад³⁷.

Какие выводы можно сделать из этого описания?

По-видимому, Ляпинский городок был сооружен в XVI в., а подновлен в связи с указами 1730—31 гг. в XVIII в. Юильский или Казымский городок, как и Ляпинский, построен на месте хантыйского укрепленного селения, которое возникло давно, может быть, в XV—XVI вв., когда часть ляпинцев переселилась на Казым. Время сооружения Казымского городка русскими, скорее всего, первая треть XVIII в., как и предполагал Шершневич. Около середины XIX в. он уже пустовал, и население ничего не могло о нем вспомнить. Это естественно — ведь прошло более ста лет с его основания.

Но вернемся к «шторкам» Н. Шахова. На них Казымский городок изображен с палисадом, виселицей — следовательно, он не был еще заброшен. «Шторки» Н. Шахова датируются либо концом XVIII в., либо серединой XIX в.³⁸ Если «шторки» нарисованы в XIX в., значит он пользовался какими-то оригинальными рисунками, сделанными в XVIII в. Сохранились ли они? Что они собой представляют? Либо он рисовал их, не копируя, как считает В. Н. Чернецов. Тогда он мог это делать только в XVIII в.

История Юильского городка проясняется, но еще не совсем ясна. Большое сходство в архитектуре Ляпинского и Казымского городков может, на наш взгляд, сближать дату их сооружения, т. е. время построения Казымского городка может оказаться более ранним, чем XVIII в. Вероятно, еще есть какие-то материалы, не известные нам, — архивные, рукописные, может быть, даже печатные.

Поиск продолжается...

³⁷ Там же, с. 506—507.

³⁸ В. Н. Чернецов. Быт хантов и манси..., с. 33.